

Ху Чэнъи было шестьдесят пять лет. Родился и вырос в деревне Ханьшу. Его семья на протяжении многих поколений занималась фермерством в Ханьшу и всегда вела относительно комфортную жизнь. Однако когда дело дошло до поколения отца Ху Чэнъи, их семью постигло несчастье. Все дяди Ху Чэнъи умерли, не успев родить детей, а у отца Ху Чэнъи был только один ребенок.

В молодости Ху Чэнъи пережил суровую жизнь в сельской местности. Он не хотел становиться фермером, а вместо этого настаивал на том, чтобы поехать в большой город, чтобы зарабатывать на жизнь. Но в те дни жизнь в городе была такой же горькой и трудной.

Ху Чэнъи покинул свой родной город и скитался повсюду. Он подрабатывал на различных грузовых судах и в конце концов потерял всякую связь со своей старой семьей. Ему удавалось прожить жизнь в течение многих лет, ни разу не заработав слишком много денег. Но он много раз травмировался, а однажды ему не оказали вовремя помощь, в результате чего он получил травму, которая в конечном итоге привела к инвалидности.

Поняв, что он уже достиг преклонного возраста, Ху Чэнъи решил вернуться домой, чтобы найти жену и родить ребенка. Но вернувшись в свою деревню, он обнаружил, что его родители уже умерли, оставив ему лишь полуразрушенный старый дом.

Он чувствовал, что был слишком непочтителен к своим родителям, поэтому оплакивал их три года. Он потерял желание найти жену и почувствовал еще меньше мотивации продолжать усердно работать, чтобы зарабатывать на жизнь. В конце концов, он снова ушел из дома и направился в Шоуцюань, чтобы стать монахом в храме Хайцзин.

В то время в храме Хайцзин постоянно жило не так много монахов. Там был только Куй Чен и еще несколько дряхлых стариков.

Ху Чэнъи в то время было всего тридцать три года. Он был самым молодым из всех тамошних монахов, и ему дали имя Ву Цин. Помимо медитации и молитвы с другими монахами, он проводил большую часть своего времени, убирая передний и задний дворы храма. Ху Чэнъи также отвечал за питание в храме, но старшие монахи ели мало, поэтому это всегда была простая еда — всего лишь миска каши и немного овощей.

Куй Чен был всего на несколько лет старше Ху Чэнъи. Хотя он был в расцвете сил, возможно, из-за того, что так долго был монахом, он также ел очень мало.

Время на горе было почти застывшим. Тогда это место не называлось горой Циюэ и не было туристической достопримечательностью. Единственными посетителями были те, кто приходил предложить благовония, и случайные монахи, ищущие ночлег в храме. В остальном каждый день был таким же, как предыдущий.

Пять лет пролетели в мгновение ока.

За эти пять лет двое пожилых монахов скончались, и, казалось, остальным четверем монахам тоже осталось жить недолго. Хотя в имени Ху Чэнъи был иероглиф «и», что означает «медицина», на самом деле он ничего не знал о медицинской практике. Ху Чэнъи не имел кровных связей с этими старыми монахами, но, проведя так много времени вместе, он определенно не хотел, чтобы они умерли преждевременно из-за отсутствия медицинской помощи.

И поэтому он предложил Куй Чену отправить старших монахов вниз с горы в больницу.

Однако Куй Чен только покачал головой. Он сказал, что все в мире произошло не просто так. Эти пожилые монахи будут жить столько, сколько им суждено.

Ху Чэнъи практиковал буддизм в этом храме уже пять лет, но все еще были некоторые вещи, которые он не мог так легко принять. Он не мог не испытывать определенных эмоций по поводу решения Куй Чена. Он осторожно спросил одного из пожилых монахов, чье здоровье было настолько плохим, что он едва мог есть, не хочет ли он пойти в больницу. Если этот монах согласится, Ху Чэнъи намеревался не подчиниться Куй Чену и помочь этому монаху спуститься с горы посреди ночи, если это необходимо.

Но этот старый монах дал ответ, аналогичный ответу Куй Чена.

После этого Ху Чэнъи сдался.

Умер еще один старый монах. После этого в храм пришел молодой человек и сказал, что хочет стать монахом.

Этим человеком был Лю Суй.

Ху Чэнъи слышал, что этот молодой человек работал учителем в Шоуцзюане. Оба его родителя были живы, и он происходил из довольно хорошей семьи. Было немного странно, что он захотел стать монахом.

Но Куй Чен не сразу принял Лю Суя в свои ряды.

Ху Чэнъи услышал, как Куй Чен и другой пожилой монах обсуждали этот вопрос, шепча, что у Лю Суя в сердце были злые мысли.

Ху Чэнъи мгновенно вспомнил о своем прибытии.

Пять лет назад, когда он впервые приехал в храм Хайцзин, Куй Чен сразу же принял его.

Мог ли Куй Чен с первого взгляда сказать, что он честный и невинный человек?

Размышляя об этом, Ху Чэнъи услышал, как другой пожилой монах сказал, что Будда принимал всевозможные существа. Именно потому, что Лю Суй имел зло в сердце, они должны были принять его и помочь ему идти по правильному пути.

Полмесяца спустя Лю Суй разрешили присоединиться к храму.

У Ху Чэнъи не было твердого мнения о Лю Суйе. Вопреки мнению Куй Чена, Ху Чэнъи не мог обнаружить в Лю Суйе какой-либо хитрости. На самом деле он чувствовал, что Лю Суй был еще более миролюбивым, вдумчивым и мудрым, чем он.

Прошло еще несколько месяцев. Затем в храм пришел еще один учитель. Старый коллега Лю Суя — Тан Юань.

Но на этот раз Ху Чэнъи не слышал, как Куй Чен говорил об этом с другими монахами.

Но Тан Юань, как и Лю Суй, не сразу был принят в храм.

Ху Чэнъи думал об этом снова и снова, но он просто не мог понять, что делало этих двух молодых людей хуже его. Когда-то ему сразу же разрешили побрить голову и присоединиться к храму.

В конце того же года все пожилые монахи, кроме одного, скончались. Но поскольку в храме были новые монахи, место не казалось слишком холодным.

Прошел год за годом. Некоторые монахи умерли, и появилось несколько новых монахов.

За семь лет до сегодняшнего дня здоровье Куй Чена тоже начало ухудшаться. Он постоянно кашлял и, казалось, с каждым днем выглядел старше.

Ху Чэнъи был обеспокоен и еще раз хотел послать Куй Чена с горы в больницу, но затем он вспомнил, какой была позиция Куй Чена по этому поводу в прошлом. Поразмыслив, он решил все же спросить, что лично Куй Чен желает сделать.

Именно тогда Куй Чен сказал, что хочет покинуть гору и «побродить».

— Я был на этой горе много лет. Пришло время увидеть внешний мир.

У Ху Чэнъи сразу же возникло плохое предчувствие: Куй Чен не сможет вернуться. Куй Чен, вероятно, тоже знал, что ему осталось недолго жить, поэтому он хотел найти безлюдное место, чтобы умереть в одиночестве.

Если бы это произошло много лет назад, Ху Чэнъи определенно попытался бы вмешаться и изменить его мнение. Но после столь долгой практики буддизма Ху Чэнъи действительно пришел к пониманию и принятию идеи, что все происходит не просто так. Он знал, что не должен мешать личному решению Куй Чена.

В тот день, когда Куй Чен покинул гору, все листья гинкго на горе были желтыми. Это было великолепное зрелище, которое, казалось, представилось только для того, чтобы проводить этого монаха, проведшего на горе большую часть своей жизни.

Ху Чэнъи, Лю Суй и Тан Юань наблюдали, как Куй Чен покинул гору, его фигура вдалеке становилась все меньше и меньше. Этот образ Ху Чэнъи никогда не забывал.

Выслушав историю Ху Чэнъи, Минг Шу сказал:

— Куй Чен покинул храм Хайцзин семь лет назад?

Ху Чэнъи сделал глоток крепкого черного чая:

— Да. Семь лет назад. Именно тогда я в последний раз видел Куй Чена, которого так хорошо знал.

— Что заставило тебя думать, что вернувшийся Куй Чен уже не тот Куй Чен, которого ты знал?
— спросил Минг Шу.

Ху Чэнъи продолжил свой рассказ.

Когда Куй Чен покинул храм Хайцзин, была осень, и когда он вернулся в следующем году, снова была осень. Он выглядел точно так же, и все же Ху Чэнъи чувствовал, что он в некотором роде чужой.

Раньше глаза Куй Чена были гораздо более спокойными и сострадательными. У Куй Чэня, стоявшего перед Ху Чэнъи, теперь был только холодный, расчетливый взгляд.

Ху Чэнъи внезапно понял, почему предыдущий Куй Чен сразу понял, что Лю Суй таит в своем сердце какую-то тьму. Истинная природа человеческого сердца действительно может сиять в глазах. В прошлом Ху Чэнъи не мог так читать людей, но после столь долгой мирной практики буддизма он, наконец, смог увидеть то же самое.

Но если бы он сказал, что вернувшийся человек не был настоящим Куй Ченом, это было бы слишком невероятно.

Как другой человек может выглядеть точно так же?

Более того, Куй Чен все еще знал все о монахах храма. Он мог назвать их мирские имена и имена, которые они взяли монахами.

Но еще оставался вопрос, мимо которого Ху Чэнъи не мог пройти.

Когда Куй Чен ушел годом ранее, он уже был очень болен. Но когда он вернулся, его болезнь прошла, и его тело казалось намного сильнее.

Куй Чен сказал, что ушел «странствовать», но действительно ли он спустился с горы, чтобы вылечить свою болезнь?

Судя по характеру и ценностям Куй Чена, он не должен был говорить такую ложь.

Более того, Куй Чен вернулся не один. Еще он привел с собой очень мрачного и странного молодого человека.

Этого человека звали Инь Сяофэн. Судя по его акценту, он не был местным. Куй Чен взял его в ученики и назвал Ву Нянь.

— Подожди, — прервал его Минг Шу в этот момент. — Инь Сяофэн не пришел в храм Хайцзин сам? Его привел Куй Чен?

Ху Чэнъи кивнул.

Минг Шу встал, и начал ходить по комнате, размышляя.

Некоторое время назад, исследуя биографию Инь Сяофэна, Минг Шу не смог ответить на один вопрос. Родной город Инь Сяофэна находился далеко в Лянси. Даже если бы он бродил бесцельно, он не смог бы дойти до храма Хайцзин по чистому совпадению.

Если бы Инь Сяофэн был возвращен в храм Хайцзин Куй Ченем, тогда все имело бы больше смысла.

Но зачем Куй Чену приводить в храм человека с чрезвычайно жестокими наклонностями?

Было ли все так, как сказали пожилые монахи? Чтобы помочь «исправить» Инь Сяофэна?

Если предположить, что «новый» Куй Чен был тем же человеком, что и ушедший Куй Чен, это было бы веской причиной. Но, согласно заявлению Ху Чэнъи, даже если Куй Чен вернется в том же теле, человек внутри него уже безвозвратно изменился.

Между отъездом и возвращением Куй Чена прошел всего год. Что могло вызвать такую большую перемену в личности Куй Чена?

Или может быть, «новый» Куй Чен действительно был совершенно другим человеком?

— Инь Сяофэн никогда не разговаривал с другими, — продолжил Ху Чэнъи. — Да и я теперь лишь изредка разговаривал с Куй Ченом. Мои навыки понимания прочитанного довольно слабы, поэтому Куй Чен часто объяснял мне буддизм. Но после того, как он вернулся, он никогда больше этого не делал.

Выражение глаз Минг Шу потемнело:

— Потому что этот «новый» Куй Чен больше не мог сам понимать учение буддизма!

Но то, что озадачило Ху Чэнъи больше всего, произошло позже.

За десятилетия пребывания Ху Чэнъи в храме Хайцзин храм редко принимал новых монахов. Во-первых, у Куй Чена были сомнения по поводу многих людей, приходящих в храм. А во-вторых, в храм Хайцзин вообще приходило очень мало людей. Но после того, как Куй Чен вернулся, он принял одного нового монаха за другим, в быстрой последовательности...

Чу Цзян. Ван Лу. Чан Цинъин. Чу Синь.

Помимо Инь Сяофэна, за короткий промежуток времени появилось пять новых людей.

Ху Чэнъи постепенно дистанцировался от Куй Чена, но часто наблюдал за этими новичками. Он обнаружил, что, хотя они и стали монахами, они совсем не походили на монахов. Особенно Чу Синь, пришедший последним. Он вечно бездельничал, всегда был готов высказать какое-нибудь грязное или неуместное замечание. Как можно было принять этого человека за монаха?

Было бы не совсем верно сказать, что Куй Чен взял их только ради того, чтобы «исправить» их. Ху Чэнъи быстро понял, что Куй Чен не только редко общался с ним; Куй Чен также мало общался с новыми монахами.

Может быть, он каким-то образом пытался «исправить» их, пренебрегая ими?

Став старше, Ху Чэнъи начал все сильнее ощущать, что храм Хайцзин больше не тот храм Хайцзин, который он когда-то знал. У всех новых монахов, казалось, была тьма в сердцах, а сердце мастера было самым темным из всех. Здесь Ху Чэнъи больше не мог найти покой, который искал, и чувствовал себя все более и более испуганным.

Храм фактически стал местом, которое могло напугать монаха.

Три года назад Ху Чэнъи спустился с горы, чтобы «побродить». Когда он заявил о своем желании покинуть храм Хайцзин, Куй Чен даже не пытался его отговаривать. Вместо этого он сказал что-то, что прозвучало весьма глубоко: возможно, жизнь вдали от горы больше подходит Ху Чэнъи.

— Что он имел в виду под этим? — спросил Минг Шу. — Он говорил тебе не возвращаться в храм Хайцзин?

— Именно так я это понял, — сказал Ху Чэнъи. — Но, насколько я знаю, нет в мире мастера, который сказал бы такое монаху, собирающемуся уйти.

Минг Шу уже был уверен, что с Куй Ченом что-то не так.

Ху Чэнъи был принят в храм Хайцзин настоящим Куй Ченом тридцать два года назад. Затем, двадцать семь лет назад, Лю Суй и Тан Юань также были приняты в храм Хайцзин настоящим Куй Ченом.

Но, рассматривая Лю Суя и Тан Юаня, Куй Чен долго не мог принять это решение. Другие пожилые монахи должны были убедить его принять этих двух мужчин в храм и сделать все возможное, чтобы изменить их к лучшему.

Затем, за шесть лет до сегодняшнего дня, Куй Чен вернулся в храм Хайцзин вместе с Инь Сяофэном. Затем он принял в храм Чан Цинъина, Чу Цзяна, Ван Лу и Чу Синя. После ухода Ху Чэнъи Куй Чен также принял Фан Пинсюя.

Полиции уже было известно, что Лю Суй, Тан Юань, Инь Сяофэн и Фан Пинсюй имели необычайно темное прошлое. Лю Суй и Тан Юань, как и Ху Чэнъи, многие годы были монахами в храме Хайцзин. Но Лю Суй и Тан Юань не ушли, как Ху Чэнъи, и когда Ху Чэнъи ушел, Куй Чен выразил надежду, что он не вернется.

Это означало, что единственный монах, который действительно мог жить в храме Хайцзин, был изгнан.

Тогда все монахи, оставшиеся в храме Хайцзин, были...

Минг Шу глубоко вздохнул и внезапно подумал об операции на сердце, которую Чу Синь перенес за границей.

Была ли эта операция недостающим звеном?

Если храм Хайцзин был местом, полным людей с демонами в сердцах, то были ли у пропавших без вести Чан Циньин, Чу Цзяна и Ван Лу также темные тайны, которые в настоящее время неизвестны полиции?

Неужели их всех собрал в храме Хайцзин «новый» Куй Чен, вернувшийся из годичного путешествия?

Что именно хотел создать Куй Чен?

***

Город Донгье, Фэнсян.

Чу Цзян, покинувший храм Хайцзин прошлым летом, первоначально работал на единственной молочной ферме в Фэнсяне. Шесть лет назад он стал монахом. За это время все изменилось. Крупные молочные компании монополизировали отрасль, а старая молочная ферма в Фэнсяне прекратила свою деятельность.

Сюй Чуню удалось найти управляющего старой молочной фермы — мужчину по фамилии Вэнь, которому сейчас было за шестьдесят.

Молочная ферма не была особенно крупным бизнесом. Менеджер легко смог бы запомнить имена всех своих сотрудников.

Как только Сюй Чунь упомянул Чу Цзяна, глаза старого Вэня показали противоречивое выражение.

— Если с Чу Цзяном были какие-то проблемы, — подсказал Сюй Чунь, — я бы попросил вас рассказать мне всю правду.

После минуты молчания старый Вэнь сказал:

— Чу Цзян уже стал причиной смерти кого-то раньше.

Брови Сюй Чуня мгновенно нахмурились.

Старый Вэнь продолжил:

— Но он никого не убивал. На самом деле, это была не его вина.

По словам Старого Вэня, когда-то на молочной ферме работала чрезвычайно старательная

женщина. Она была вдовой; ее муж умер преждевременно, и теперь она одна заботилась об обоих родителях.

Из-за давления всех своих обязанностей вдова очень много работала и каждый месяц получала самую высокую премию из всех сотрудников. Это неизбежно привлекло внимание всех вокруг.

Вдова никогда не одевалась во что-то роскошное. Она носила одежду, которую чинила снова и снова, что придавало ей очень бедный и деревенский вид. Но природные черты лица вдовы на самом деле были чрезвычайно красивы. Однажды, в Международный день трудящихся, на ферме прошел праздник, на котором вдова вышла на сцену и выступила. Это был редкий случай, когда она нарядилась и надела красивый наряд, мгновенно привлечший еще больше внимания.

С тех пор мужчины на молочной ферме начали отпускать ей грязные шутки, а некоторые даже начали переходить черту приличия. Чу Цзян — старый холостяк и один из тех, кто зашел слишком далеко.

Будучи вдовой, эта женщина очень переживала, что потеряет работу, если будет слишком яростно протестовать. В конце концов, дома у нее было четверо пожилых родителей, которые полагались на ее зарплату. Со временем по городу начали распространяться слухи о том, что вдова соблазняет мужчин на молочной ферме.

Этот инцидент вызвал массовое возмущение. Сначала жены мужчин пришли на ферму, чтобы узнать правду и потребовать увольнения вдовы. Вдова плакала и умоляла менеджера не увольнять ее.

Затем, когда жены узнали, что вдова все еще там работает, они еще больше разозлились и ворвались в дом вдовы, чтобы потребовать объяснений от ее родственников.

Репутация вдовы была основательно подпорчена.

В конце того же года молочную ферму вынудили уволить вдову. Хотя начальство знало, что она ни в чем не виновата, у них не было другого выбора, кроме как избавиться от нее.

Перед китайским Новым годом в том же году вдова покончила жизнь самоубийством, прыгнув в реку, доведенная до отчаяния бедностью и всеми окружающими ее сплетнями. Ее тело было найдено только через неделю.

После смерти вдовы общественное мнение изменилось. Люди начали верить, что эту вдову довели до смерти мужчины, а также жены этих мужчин. Жители города начали яростно обвинять друг друга и в конечном итоге сосредоточили свою ярость на человеке, который первым начал преследовать вдову — Чу Цзяне.

Чу Цзян сразу же стал объектом их ненависти.

Такова была человеческая природа. Все эти люди тоже явно обидели вдову, но, поскольку они не были первыми, кто причинил ей вред, они полагали, что могут считать себя невиновными. Они даже считали, что имеют полное право наказать первого человека, обидевшего их жертву.

Чу Цзян подвергся остракизму. Родственники начали его избегать, и в конце концов он тоже потерял работу.

Во всем городе Фэнсян никто не хотел его нанимать.

— Значит, Чу Цзян в конце концов стал монахом? — спросил старый Вэнь, закончив рассказывать Сюй Чуню все, что он знал о прошлом. — Я не знал об этой части. Именно мне пришлось сказать Чу Цзяну, что он уволен. Я тоже не хотел от него избавляться, но у меня не было выбора, и он сказал, что понимает. Мы действительно не обращались с ним плохо. Мы отдали ему каждый цент причитающейся ему компенсации. И все это, правда, его собственная вина. Кто сказал ему притеснять вдову? Офицер, вы ведь понимаете, не так ли?

Покинув дом старого Вэня, Сюй Чунь отправился навестить полицию Фэнсяна. Полиция и старый Вэнь рассказали ему ту же историю. Они сказали, что Чу Цзян никогда не совершал серьезных преступлений, но и хорошим человеком он тоже не был. Городские сплетни и скандалы преследовали его повсюду.

Сюй Чунь не мог не думать об одном из пропавших монахов, Ван Лу.

Прежде чем приехать в Фэнсян, чтобы выяснить биографию Чу Цзяна, Сюй Чунь сначала навестил Ван Лу в Шоуцюане.

В тот год Ван Лу было тридцать шесть лет. Как и Чу Цзян, он стал монахом шесть лет назад. Разница между ними заключалась в том, что Чу Цзян работал, а Ван Лу был безработным в течение многих лет.

Отец Ван Лу давно скончался, и о его матери заботилась его сестра Ван Си.

— Абсолютно бесполезный человек! — заявила Ван Си, когда ее спросили о ее младшем брате.

В таком маленьком городке, как Шоуцюань, было трудно разбогатеть, но на самом деле было очень легко найти работу, жену и жить обычной жизнью. Но Ван Лу не хватало даже этой базовой инициативы. С юных лет он был неамбициозным и немотивированным. Окончив среднюю школу, он начал бесцельно плыть по жизни, как будто просто ждал смерти.

Его родители просили разных людей помочь ему найти работу, но Ван Лу не хотел работать. Он был ленив и не умен. Он воспользовался тем, что родители не выгнали его, чтобы он остался

дома и пожирал старшее поколение, живя праздно, пока не отправил своего отца в раннюю могилу из-за ярости.

— После смерти отца я забрала маму к себе домой, чтобы она жила со мной, — сказала Ван Си. — Этот дармоед тоже хотел перебраться ко мне, но я не такая добрая, как мои родители. Им его было жаль, а мне нет. Это мой дом и дом моего мужа. У нас двое собственных детей, так где же нам поселить его? Даже если бы у нас были средства, я бы не хотела его поддерживать!

— Так ты выгнала Ван Лу? — спросил Сюй Чунь.

— Что еще мне оставалось делать? Позволить ему навсегда сесть на шею моей семье? — потребовала Ван Си. Она работала менеджером среднего звена на местном предприятии, и ее манера речи была относительно дерзкой. — Я его сестра, это правда. Но я не обязана его содержать! Он взрослый человек, с руками и ногами. Для него более чем возможно устроиться на работу и содержать себя, не так ли? Я даже своим детям не позволяла с ним контактировать. Как я могла позволить ему здесь жить!

После расследования дела пропавших монахов Сюй Чунь позвонил Минг Шу.

— На первый взгляд, у Ван Лу и Чу Цзяна нет ничего общего, но у них обоих много проблем, — сказал Сюй Чунь. — Ван Лу жил за счет своих родителей и свел своего старика в могилу. Чу Цзян преследовал вдову, что довело ее до самоубийства. С юридической точки зрения ни один из них не совершил преступления. Но с моральной точки зрения ни один из них не является хорошим человеком.

Минг Шу ожидал таких результатов. Из четырех монахов, покинувших храм Хайцзин, только Ху Чэнъи был морально «чист». И теперь он доживал остаток своих дней спокойно.

Что касается Чан Циньин...

Чан Циньину было сорок семь лет, уроженец Лочэна. Полицией города Донгье было неудобно проводить расследование там, за пределами их юрисдикции, но все стало проще, когда на помощь подросла местная полиция из Лочэна.

Прежде чем отправиться в деревню Ханьшу, Минг Шу позвонил Хуа Чуну, чтобы объяснить ситуацию и попросить Хуа Чуна прислать кого-нибудь для помощи в расследовании. Полиция в Лочэне действовала чрезвычайно эффективно, и он быстро узнал правду о прошлом Чан Циньина.

Минг Шу не знал, простудился ли Хуа Чун или что-то в этом роде, но его голос казался гораздо более хриплым, чем обычно, когда он говорил по телефону.

— Этот Чан Циньин, которого вы хотите, чтобы мы расследовали, — начал Хуа Чун. — Хотя

официальных протоколов уголовного расследования нет, кто-то на его старом месте работы, в строительной компании, спрыгнул насмерть.

— И этот инцидент как-то связан с Чан Циньинем? — спросил Минг Шу.

— Имя покойного — Цзэн Фань. Он и Чан Циньин были сотрудниками одного и того же отдела. Когда Цзэн Фань впервые присоединился к компании, Чан Циньин был его наставником, — сказал Хуа Чун. — Шесть лет назад компания заключила рекламную сделку с правительством. Отдел, которому принадлежали Чан Циньин и Цзэн Фань, отвечал за выполнение этого маркетингового плана. Однако проект провалился. Компания не только не привлекла к себе больше внимания, но и сумела запятнать свою репутацию. Впоследствии вину возложили на Цзэн Фана. Говорят, что он допустил как минимум три ошибки во время этого проекта. Одна ошибка просто привела к еще одной и еще одной.

— Подожди, — прервал его Минг Шу. — Кто заявил, что именно Цзэн Фан несет ответственность за провал проекта?

Хуа Чун рассмеялся.

— Конечно, это было официальное заявление, сделанное персоналом компании. Но позже моя команда узнала, что Цзэн Фань действовал на основании совета, полученного от Чан Циньина. Если мы последуем этим путем, то наверняка обнаружится, что Чан Циньин также способствовал этим ошибкам. Он не должен был уйти чистым.

— Значит, Цзэн Фань был изгнан как козёл отпущения? — спросил Минг Шу.

— В конце концов, Цзэн Фань по имени был человеком, ответственным за эти вопросы. Чан Циньин был его начальником в то время, и на нем действительно была некоторая ответственность контролировать выполнение проекта. Но ответственность за само выполнение лежала на Цзэн Фане, — сказал Хуа Чун. — Решение компании возложить вину на Цзэн Фаня не было очень спорным, но сам Цзэн Фань отреагировал очень резко и настаивал, что Чан Циньин обидел его. Он утверждал, что Чан Циньин намеренно сбил его с пути. В этом отношении мы обнаружили еще одну деталь: Цзэн Фань легко раздражался, но он был очень способным. Он преуспевал в отделе, и его высоко ценили руководители компании. Однако Чан Циньин был его начальником, и если он хотел быстро подняться, то должен был наступить на Чан Циньин. Но мог ли Чан Циньин позволить ему наступить на себя?

— Чан Циньин рано понял, что Цзэн Фаня следует опасаться, — размышлял Минг Шу. — Он знал, что Цзэн Фань представлял для него самую большую угрозу в их компании...

Хуа Чун несколько раз кашлянул и продолжил:

— Похоже, мы думаем одинаково. Чан Циньин, скорее всего, намеренно использовал проект компании, чтобы выставить в негативном свете Цзэн Фаня, с целью задушить рост Цзэн Фаня в

зародыше. Но он, вероятно, не мог себе представить, что Цзэн Фан не сможет пережить эту неудачу и спрыгнет со здания вскоре после того, как будет решено его наказание.

Как только все эти связи были установлены, Минг Шу закрыл глаза. Все эти подсказки были подобны кусочкам одной головоломки, которые встали на свои места в его сознании.

Чу Цзян, Ван Лу и Чан Циньин косвенно убили кого-то из-за недостатка добродетели.

— После смерти Цзэн Фана члены его семьи пришли в компанию и попросили объяснений, — продолжил Хуа Чун. — Компания сначала отмахнулась от них, но затем младшие члены семьи Цзэн сообщили об этом в средствах массовой информации. После этого Чан Циньин, как непосредственный руководитель Цзэн Фаня, подал в отставку.

— Причина? — спросил Минг Шу.

— Проблемы с его работой, — сказал Хуа Чун. — Конечно, другие сотрудники не могли прямо признать, что Чан Циньин намеренно ввел Цзэн Фана в заблуждение. Что произошло после этого, вы уже знаете. Чан Циньин ушел, чтобы стать монахом в храме Хайцзин.

Минг Шу услышал звук открывающейся поблизости двери, а затем звук шагов.

— Время принимать лекарство, давай быстрее.

Это был голос Лю Чжициня.

— Капитан Хуа, — сказал Минг Шу. — Вы заболели?

Хуа Чун усмехнулся:

— Просто сезонная простуда, ничего страшного. Эй, брат Сяо Лю, я...

— Студент Минг, — Лю Чжицинь уже забрал телефон у Хуа Чуна.

Глаза Минг Шу дернулись:

— Учитель Лю.

Лю Чжицинь продолжил:

— Горло капитана Хуа не в порядке. Если у вас есть еще вопросы, вы можете задать их мне.

— Мы уже закончили. — Было лишь несколько раз, когда Минг Шу и Лю Чжицинъ мирно разговаривали. Как только он услышал, что собеседник изменился, он сказал: — Просто позаботьтесь о капитане Хуа, и я все еще помню выпивку, которую я вам должен. Не ворчите на меня по этому поводу.

Лю Чжицинъ засмеялся:

— Почему выпивка — это первое, о чем ты мне говоришь?

Минг Шу про себя подумал: Очевидно потому, что тебе не так легко заткнуть рот!

После того, как Хуа Чун закончил принимать лекарство и получил свой телефон обратно, Минг Шу услышал, как он сказал Лю Чжициню:

— Я все еще не закончил обсуждение официальных дел с капитаном Мингом.

— Намного легче общаться с порядочным человеком, — пробормотал Минг Шу.

— А? — переспросил Хуа Чун.

— Ничего, — Минг Шу откашлялся, переговорил с Хуа Чуном еще несколько слов, а затем повесил трубку.

Вскоре после этого из криминального отдела пришли новости — истинная личность Куй Чена была примерно подтверждена.

<http://bllate.org/book/14859/1321969>